

Серия «Герои-современники»

Б. РУБЕН

СЧАСТЬЕ КОМАНДИРА

Очерк

В. С. Карватский

Москва · Воениздат · 1962

— Когда я, молодой еще офицер, командовавший танковой ротой, был назначен на должность командира танкового батальона, а спустя некоторое время мне вручили правительственную награду — орден Красной Звезды, кое-кто из офицеров говорил: «Повезло Карватскому. Счастливчик!» Но и тогда, и вот сейчас, оглядываясь на свой одиннадцатилетний путь офицера, я не считаю его случайным, не думаю, что мне просто везло... — Майор Карватский останавливается, потом продолжает: — Конечно, если это нужно, я готов рассказать о своем небольшом опыте, только прошу вас, когда будете писать, не отрывайте меня от людей. Потому что мои успехи — это успехи всего коллектива.

Мы сидим в одной из свободных аудиторий Академии бронетанковых войск, и майор Карватский рассказывает о своей службе — о людях, трудностях и успехах. Может быть, оттого, что он уже несколько месяцев не командует танковым батальоном и над ним не «висит» постоянная нелегкая ответственность за десятки подчиненных ему людей, за сложную дорогостоящую технику, Виталий Карватский выглядит еще моложе своих тридцати двух лет: ведь он сейчас слушатель академии, посещает лекции, по вечерам чертит схемы и графики, роется в учебниках и наставлениях, изучает иностранный язык.

— Теперь мы с сыном учимся в школе, — улыбается Виталий.

Мы беседуем подробно, забыв о времени, и я все более и более убеждаюсь в закономерности командирского пути майора Карватского.

1. ДВА НАСТАВНИКА

В 1950 году, после окончания танкового училища, лейтенант Карватский получил назначение в Белорусский военный округ и, попав в часть, принял взвод средних танков.

В то время в полку еще служили сержанты, участвовавшие в Великой Отечественной войне. Они были старше Карватского на три—четыре года, имели и жизненный, и фронтовой опыт. Им было интересно «испытать» молодого лейтенанта. Карватский сразу почувствовал слегка снисходительное отношение наиболее разбитных танкистов.

«Конечно, я могу одернуть любого из своих подчиненных и поставить его на место, — думал лейтенант, — но ведь только этим подлинный авторитет не завоеешь...»

Однако долго раздумывать ему не пришлось: надо было провести со взводом занятие по устройству нового танкового пулемета. Пулемет Виталий знал хорошо, но, как перед экзаменом, полночи просидел за наставлением — чувствовал, что именно в деле, в боевой учебе должны по-настоящему определиться его отношения с людьми.

Минут через десять после начала занятия Карватский, переведя дух, с тревогой поднял глаза и, оглядевшись, вдруг увидел — весь взвод внимательно слушает, следит за его руками. Но радоваться ему было некогда: он с увлечением объяснял, показывал, разбирал пулемет, потом детали мгновенно становились на свое место, а он ни разу не заглянул ни в конспект, ни в наставление. Виталий чувствовал, что овладел не только

вниманием танкистов, — он занял свое место командира. В конце занятия Карватский даже организовал соревнование: кто быстрее разберет и соберет пулемет.

На следующий день Карватский отправился на ремонтную базу — потребовалась автосварка для одного танка его взвода. Механик-водитель вел машину с форсом: решил похвастать перед молодым лейтенантом, да заодно и посмотреть, как-то он будет себя держать.

Дорога была неровная. На большой скорости попав в глубокую выбоину, танк сильно качнулся, и водитель разбил в кровь лицо. Ему было и больно, и досадно, по переговорному устройству он упрямо твердил лейтенанту, что у него все в порядке, хотя вел машину через силу. Лейтенант понял: что-то случилось, и, не вдаваясь в лишние рассуждения, приказал немедленно остановиться. Подменив механика-водителя, он повел танк быстро, но аккуратно, умело переключая передачи в зависимости от местности, плавно работая рычагами управления — в училище по вождению всегда имел отличную оценку, — и они доехали до базы уже без происшествий. Карватский никогда не припоминал механику-водителю этот случай, а механики больше никогда его не испытывали.

С первых же дней командования взводом лейтенант Карватский старался быть поближе к подчиненным, жить нуждами, заботами и радостями своего подразделения. Став командиром, он придирчиво, даже беспощадно контролировал себя самого, серьезно и вдумчиво вникал в любое, на первый взгляд самое простое дело перед тем, как отдать приказ. Но, отдав приказ, твердо требовал его исполнения. Не сторонился молодой офицер и «черной» работы. Проверая боевые машины, он вместе с механиками-водителями регулировал агрегаты и механизмы, с наводчиками и заряжающими устранял неисправности в оружии.

Скоро весь взвод уже знал — от нового лейтенанта не ускользнет ни одна, даже мелкая неисправность в технике. Командир танка пропустит, замполтех может не обратить внимания, но Карватский всегда докопается, подробно объяснит, в чем дело, потом потребует отремонтировать. И обязательно строго проверит.

Не раз и не два в эти первые месяцы своей командирской жизни вспомнил Виталий с благодарностью инженер-подполковника Скальта, который вел в училище курс боевых машин. На его занятиях курсанты всегда соблюдали образцовую дисциплину, хотя сам подполковник, казалось, не прилагал к этому никаких усилий. Он увлек курсантов своим предметом. Молодые люди увидели такое тонкое знание боевых машин, такую любовь к технике,

что каждому из них захотелось самому так же глубоко понимать танк. Не сговариваясь между собой, они наложили строгий запрет даже на малейшие вольности в эти часы.

Подполковник Скальт делился с будущими офицерами своим опытом. Он говорил: «Отличное знание техники — залог вашей отличной службы. Вы — танкисты. Если будете знать технику, если боевая машина станет вашим другом, всегда успешно выполните поставленную перед вами задачу».

Казалось бы, все тут просто и ясно. Чего яснее — надо хорошо знать танк! Тысячу раз слышано... Но курсант Карватский умел поглубже задуматься над привычными требованиями, ему приходилось уже убеждаться в том, что давно знакомые слова оказываются иногда другими, новыми, имеют дополнительный смысл.

Виталий вообще хорошо успевал в училище, но по огневой подготовке, курсу боевых машин и их эксплуатации, по вождению машин у него всегда были отличные оценки.

Недаром на приемных испытаниях в академию, когда кандидаты сдавали экзамены по танковой технике, экзаменатор с интересом спросил Карватского:

— Скажите, с какой должности вы прибыли, товарищ капитан?

— Командир танкового батальона.

— С какой? — переспросил экзаменатор и, покачав с уважением головой, добавил: — Можно только пожелать всем нашим офицерам технической службы так знать боевые машины.

Вторым воспитателем в училище, который своим личным примером определил развитие командирских черт курсанта Карватского, был командир взвода капитан Галкин. Участник Великой Отечественной войны, он воспитывал в курсантах решительность, честность, товарищество, был предельно строг к ним, но справедлив, и курсанты его любили — молодость обостренно чувствует в людях справедливость.

— Самое опасное для командира — щегольнуть быстрым, но не продуманным всесторонне приказом, — говорил курсантам капитан Галкин. — Приказ в армии — закон, и пользоваться этой силой надо умело. Нигде опрометчивый приказ не может привести к таким серьезным, подчас тяжелым последствиям, как в армии.

Наблюдая за капитаном Галкиным, курсант Карватский понял, как трудно командиру каждодневно, ежечасно отвечать за судьбы подчиненных ему людей — за их учебу, здоровье, дисциплину, формирование характеров. Как трудно воспитывать целый армейский коллектив.

Уже перед самым выпуском, беседуя с курсантами, капитан Галкин сказал:

— Ребята вы молодые, а жизнь у вас впереди трудная, ответственная. За людей отвечать будете, не говоря уже о технике... Никогда, мой вам совет, не старайтесь быть хорошими сразу для всех своих подчиненных, бойтесь дешевого авторитета. Помните: надо быть честным в службе, надо точно и с душой выполнять свои обязанности. Рано или поздно подчиненные это обязательно поймут и оценят. А если и найдется кто-нибудь, кто не поймет, — так ведь на каждый чих не наздравствуешься.

Пример этих двух воспитателей из училища очень помог молодому офицеру в самый острый период его командирской жизни — в первые месяцы. Ведь собственного опыта у него еще не было, а жизнь — вот она, надо решать, действовать. И Виталий тратил тот золотой запас наблюдений, навыков и советов, который успел получить в училище.

Вот почему Карватский вместе с механиками-водителями возился с главным фрикционом, с коробкой передач и строго спрашивал с этих же механиков, когда они не в срок выполняли его приказ или забывали об этом докладывать.

Вот почему он заставлял себя так внимательно и всесторонне продумывать каждое свое решение, прежде чем отдать окончательный приказ.

И если служба в войсках у лейтенанта Карватского сразу пошла довольно успешно, то причиной этого было сочетание в молодом командире отличного знания техники и высокой командирской требовательности к себе и к подчиненным.

Когда через два года после прибытия в часть лейтенанта Карватского представляли к очередному воинскому званию, командир полка написал:

«Взвод т. Карватского по всем видам боевой и политической подготовки подготовлен хорошо... Молодой растущий офицер. В своих решениях тверд и принципиален. Порученное дело доводит до конца...»

Так в скупых словах аттестации был оценен честный труд молодого офицера в первые два года его самостоятельной работы.

2. ОТСТАЮЩАЯ РОТА

Как-то вечером старшего лейтенанта Карватского вызвали в штаб к командиру полка.

— Вот что, Карватский, — сказал полковник Литвинов, когда старший лейтенант, слегка запыхавшись, вошел в кабинет и доложил, — примете роту в соседнем полку. Сейчас я был у командира дивизии, там одного офицера от должности отстранили...

Полковник Литвинов посмотрел прямо в глаза Карватскому и произнес строго, официально:

— Я предложил вас.

От неожиданности Виталий покраснел и, не зная, что говорить, стоял неподвижно и смотрел на командира полка.

Молодые офицеры считали полковника Литвинова образцом истинного танкиста. Он сам прекрасно водил боевую машину, отлично стрелял из танкового оружия, но больше всего Виталия Карватского восхищало в нем умение спокойно и четко управлять танковыми подразделениями, мастерство в осуществлении маневра. Карватский не раз, когда представлялась возможность, следил за полковником на тактических учениях. И солдаты, и офицеры знали: Литвинов патриот танковых войск, он по-настоящему любит танкистов!..

Виталий стоял, и только одно желание — остаться в родном полку — отчетливо и сильно владело им сейчас. Полковник Литвинов догадался о том, что делалось в его душе.

— Когда-никогда, а начинать все равно надо, — спокойно, раздумчиво, точно советуясь, заговорил он с Карватским. — Три года взводом хорошо откомандовал, теперь вот целый год обязанности командира роты исполнял — тоже получилось... Часы-то ходят? — вдруг спросил полковник.

— Так точно, ходят, — тихо ответил старший лейтенант.

Речь шла о настольных часах, которыми полковник Литвинов награждал старшего лейтенанта Карватского за хорошую боевую и политическую подготовку, показанную ротой на осенней проверке. Как раз в то время Карватский в течение года исполнял обязанности командира роты.

— Сознаюсь, жаль отдавать. Да ведь пора и о тебе подумать, а у нас в полку сейчас вакансий нет. Иди и командуй. Понял? — доверительно закончил

полковник этот неожиданный для Карватского разговор.

Спускаясь неторопливо по ступенькам штабной террасы, Виталий думал: «Значит, не только мы, офицеры, присматриваемся к нему — не менее внимательно и сам полковник следит за нами».

Карватского назначили командовать второй танковой ротой, самой отстающей в полку. В этой роте не было главного — воинской дисциплины. Распорядок дня строго не соблюдался, случались самовольные отлучки и выпивки, занятия не готовились так, как надо. Жили танкисты невесело, в казарме — неуютно, грязно.

Две недели Карватский принимал роту, да так толком и не принял. Даже учет занятий был запущен настолько, что не удалось восстановить. Конечно, с ним беседовали и командир полка, и замполит, и командир батальона, они говорили о недостатках в роте, но все-таки Карватский не ожидал, что сразу же столкнется с таким количеством изъянов. Тяжелая оказалась рота, самая плохая в части.

К тому же — и Виталий это сразу почувствовал — к нему присматриваются: ведь он пришел из другого полка.

Да и в самой роте его встретили сдержанно. Старший лейтенант Грушанин, командир первого взвода, твердо занял «нейтральную» позицию. «Посмотрим, мол, как справится этот новоиспеченный ротный... Может быть, сгорит?»

Грушанин давно служил в роте, был старше Карватского года на два и считал себя ущемленным в связи с назначением Карватского.

Карватский довольно быстро догадался о настроении Грушанина.

«Не очень-то это честно, — подумал Виталий, — смешивать свои личные переживания со служебным долгом. Чего теперь обижаться, когда роту развалили... Ну что ж, и мы посмотрим. В конце концов все равно наведем порядок».

Дела обступили Карватского со всех сторон. Надо было немедленно наладить четкую службу суточного наряда, подтянуть внешний вид танкистов, повысить качество занятий по боевой и политической подготовке и на каждом шагу — в казарме, на занятиях, в парке боевых машин — строго требовать соблюдения воинской дисциплины.

Карватский понимал, что все «болезни» второй роты касались теперь уже

лично его, и не позволил бы себе оправдываться грехами прежнего командира.

Поздними вечерами, когда Виталий возвращался домой, перед его глазами снова проходили события минувшего дня. Он опять видел солдат и сержантов, с которыми сталкивался днем, вспоминал разговоры с ними.

Напряженно, с сомнением думал он о старшине — стиль его работы не понравился Карватскому сразу же по приходе в роту. Старшина кричал на подчиненных, устраивал «разносы», после чего считал свои обязанности выполненными. По существу, за этими «разносами» скрывалось неумение навести и поддерживать уставной воинский порядок. Сможет и захочет ли старшина работать по-другому?

Спокойнее на душе у Виталия становилось, когда он вспоминал старшего лейтенанта Ведяйкина — заместителя по технической части. Замполтех оказался очень скромным, хорошо знающим свое дело офицером. Старший лейтенант Ведяйкин воевал, имел награды. Он умел спокойно выслушать человека, вдумчиво разобраться в возникшем вопросе, знал и любил боевую технику. В его словах и поступках сказывался большой жизненный опыт. С ним у Карватского быстро налаживалось взаимопонимание.

Вторым взводом командовал молодой энергичный лейтенант Иван Качесов. Качесов прибыл в роту незадолго до Карватского и активно входил в жизнь подразделения. «У этого дело пойдет», — думал Виталий.

Вспоминал Виталий и спокойно-безразличное лицо Грушанина и лица командиров других рот батальона, которые еще не стали его друзьями...

Дорога к дому проходила недалеко от штаба полковника Литвинова. В окнах кабинета его прежнего командира полка было в этот час темно. Лишь в коридоре да в комнате дежурного горел свет.

«У них порядок. По ночам не надо работать», — думал Карватский, глядя на темные окна кабинета полковника.

На какой-то миг Карватский вдруг остро почувствовал свое одиночество. Здесь, перед штабом полковника Литвинова, он осознал свою немалую ответственность перед этим полком, перед товарищами, с которыми прослужил более четырех лет. Он понял: только оправдав доверие полковника Литвинова, он сможет прийти сюда в то время, когда в этих окнах горит свет.

Ел в то время Карватский плохо, спал мало. Даже с сыном некогда было

повозиться, а Олегу недавно исполнилось два года. Жена чувствовала напряженность и озабоченность Виталия, но с вопросами не приставала — знала, что, когда Виталий разберется во всем, расскажет ей сам.

А старший лейтенант Карватский думал и думал об одном — как навести в роту порядок. Вся жизнь его заключалась теперь в том, чтобы добиться этой цели. С вечера намечал он план работы на завтра, и ему не приходилось ничего записывать для памяти: все было не раз передумано, даже во сне снилось.

Как-то вечером в канцелярию второй роты пришел заместитель командира полка по политчасти. Карватский сидел за столом и ломал голову над тем, как лучше уложить в сетку очередного недельного расписания часы занятий по технической, огневой, политической и многим другим видам боевой подготовки танкистов.

— Сидите, сидите, — быстро проговорил замполит, увидев поднявшегося командира роты, — я так, мимоходом... Расписание занятий? — Он кивнул на бумаги, разложенные на столе.

— Так точно, — ответил Карватский, — вечером хоть спокойно поработать можно...

Он сказал это без всякой задней мысли. Действительно, днем он каждую минуту был занят: кого-то инструктировал, что-то проверял, с кого-то «снял стружку»... И, как назло, возникало постоянно то одно, то другое срочное дело, разрешить которое, очевидно, мог только он сам.

Замполит понимающе покачал головой, потом сказал:

— Это хорошо, когда в подразделении чувствуется твердая командирская рука, когда все вертится-крутится по воле командира. Только вот о чем подумайте на досуге: каков может получиться коллектив, если будет он держаться только на приказах командира? Велика ли прочность такого коллектива, да и много ли почета будет самому командиру...

После этого разговора Карватский понял — только требовательностью сверху задачу решить нельзя. Надо поднять людей, сделать так, чтобы у танкистов пробудилась инициатива.

«Плохих людей, которые создали дурную славу подразделению, у нас единицы, но они не получают отпора от товарищей», — сказал как-то старший лейтенант Ведяйкин. Карватский вспомнил теперь эти слова, обдумывая разговор с замполитом.

Виталий всегда верил в людей, верил в хорошее в людях. И сейчас он был убежден, что в глубине души каждый танкист второй роты тянется к другой, настоящей жизни — с упорным трудом в боевой подготовке, от которого сам себя уважаешь и чувствуешь, не зря ешь солдатский хлеб, с войсковым товариществом, нормальным бытом, веселым досугом. Но слишком глубоко ушло внутрь это желание, слишком плохо и серо жила рота, слишком часто и, что еще обиднее, по «заслугам» ругали танкистов... Что было делать? Как поднять людей?

И Карватский решил поговорить отдельно с каждым комсомольцем-активистом. Комсомольская работа в роте велась слабо, и у Виталия Карватского были основательные претензии к комсомольскому бюро, — он-то знал, как нужно работать. Когда был командиром взвода, сам руководил ротной комсомольской организацией. Но сейчас упреки не могли помочь делу.

Виталий хотел одновременно и услышать различные мнения, и расшевелить комсомольцев, заинтересовать их судьбой всего коллектива. Так командир роты побеседовал со всеми членами бюро, агитаторами, группкомсоргами. И каждому говорил:

— Давайте начнем с себя самих. Вас, активистов, тридцать процентов в роте. Да если каждый активист потянет за собой еще одного — двух человек, — вот и вся рота поднимется. Все зависит от вас. Разве мы, воины, можем забывать, что на заводах и в поле трудятся советские люди, трудятся добросовестно, и защищать мирный их труд доверено нам?!

Именно в этот период Карватский глубоко убедился в том, что командир и его подчиненные — единое целое.

Вскоре начали сказываться первые результаты работы нового командира роты. Как-то, заглянув в казарму, Карватский увидел сержанта Литвинова, однофамильца своего первого командира полка. Литвинов заступал в этот день дежурить по роте и проводил инструктаж дневальных. Внешний вид дневальных приятно поразил Карватского: обмундирование было выглажено, сапоги начищены, пуговицы блестели. Рядом с ними стоял лейтенант Качесов — зная, что командир роты придает большое значение службе суточного наряда, он решил сам, до Карватского, проверить подготовку дежурного и дневальных, назначенных от его взвода.

«Молодцы. Если будут отлично нести службу, объявлю благодарность», — подумал Карватский и вышел из казармы.

Так оно и получилось — дежурство Литвинова прошло образцово.

В другой раз Карватский случайно услышал, как группа комсомольцев роты по душам разговаривала с одним из нарушителей дисциплины. Разговор был суровый — комсомольцы больше не хотели терпеть людей, которые позорили весь коллектив.

В этот вечер, придя домой, Карватский впервые за последнее время поиграл с Олегом. Их смех весело разносился по комнате. Когда позднее Виталий разговорился с женой, оказалось, что она о многом догадывалась и всем сердцем переживала за дела второй танковой роты. А ведь специально он ей ничего и не рассказывал — просто за ужином ронял иногда одну — две не очень-то веселые фразы.

Карватскому показалось, что в роте наметился перелом — офицеры и солдаты-комсомольцы поддержали его.

Даже со старшим лейтенантом Грушаниным определились отношения. Однажды Грушанин обиженно спросил Карватского:

— Что же вы, товарищ старший лейтенант, отдаете приказание взводу через мою голову?

Карватский улыбнулся.

— Неужели я больше не хозяин во взводе, — тоже попытался улыбнуться Грушанин.

«Видно, он понял все же, что остается в стороне от коллектива», — подумал Карватский и ответил ему просто, по-товарищески:

— Давай командуй, как следует, с душой, тогда и сам будешь чувствовать себя настоящим хозяином.

Карватский считал, что дела в роте пошли на лад.

3. ПЕРЕЛОМ

Но едва перестали ругать на каждом совещании вторую танковую роту, как там случилось чрезвычайное происшествие, виноват в котором оказался сам Карватский.

Получилось так, что он по подложной телеграмме разрешил увольнение солдату Иванову. Иванов обманул Карватского, доложив, что телеграмму прислала его сестра, которая давно собиралась его навестить. Карватский мог очень легко отказать Иванову, бывшему в это воскресенье дневальным

по роте. К тому же в прошлом за ним водились и самовольные отлучки, и выпивки. Но Карватскому захотелось помочь солдату, тем более что за последнее время Иванов не нарушал дисциплины.

«Может быть, человек увидел, что в роте налаживается новая жизнь, и тоже решил покончить с недисциплинированностью», — размышлял старший лейтенант Карватский.

Проверив, есть ли у Иванова сестра, он разрешил ему увольнение до двадцати четырех часов.

Иванов не вернулся в часть ни в двадцать четыре часа, ни в восемь утра.

— Вы знаете, где он может находиться? — спросил строго командир полка командира роты.

Карватскому было уже известно все: телеграмму прислала не сестра, а давняя знакомая Иванова, часто навещавшаяся к нему в гости; находились они у приятеля Иванова в деревне, километрах в двенадцати от полка, — там он и раньше с ней встречался. Все это рассказали Карватскому, когда он утром срочно собрал офицеров и сержантов.

— Берите машину и сами поезжайте за ним, — приказал командир полка.

В поступке Иванова Карватский разобрался без труда: видя, что времена изменились, Иванов решил повеселиться на «законных» основаниях и обманул командира. Но, попав в прежнюю компанию, выпив, он махнул на все рукой, подумал, что авось и на этот раз как-нибудь пронесет. Забрать его из деревни и посадить на гауптвахту не представляло труда. До боли поразило Карватского другое — никакого, оказывается, перелома в роте еще не произошло, раз никто не предупредил проступок Иванова.

Командира второй танковой роты вызвал командир батальона.

— Иванов был дневальным?

— Так точно.

— Что вас дернуло подменять из наряда этого разгильдяя?

— Хотелось пойти человеку навстречу...

— Сказали ему спасибо?

Карватский промолчал.

— Мы с командиром полка вас предупреждали: в роте были случаи пьянства, самовольных отлучек. Тут благодеяния не помогут. Надо требовать. Понятно?

— Понятно, товарищ подполковник.

— Что думаете делать?

— Хочу тщательно расследовать происшествие. Побеседую со всеми, кто мог, но не удержал Иванова. Должностных лиц накажу. Обсудим происшествие на ротном собрании.

— Действуйте. Разберитесь подробно, а то еще не один сюрприз получите. Когда будете собрание проводить, доложите. Приду обязательно.

Карватский вернулся в роту хмурый. Его невеселое настроение заметил старший лейтенант Ведяйкин. Они были в канцелярии вдвоем, и Карватский сказал:

— Комбат считает, что я напрасно отпустил Иванова...

— Теперь выходит, что зря. Но я бы, наверное, тоже отпустил солдата в этом случае.

— Так мы с вами не успеем ловить приветы от начальства, Иван Тимофеевич, — Карватский горько покачал головой.

Ведяйкин повернулся к нему.

— Разве можно командовать людьми и не верить им, не заботиться о них? И равнять роту надо по лучшим солдатам, — убежденно сказал он.

Лицо Карватского прояснилось. Он обрадовался совету и поддержке замполтеха, которого уважал.

— Я тоже так думаю, Иван Тимофеевич. Но с Ивановым я все же не прав. Учитывая его прошлые дела, надо было мне тщательнее проверить его, узнать мнение командира экипажа, спросить других командиров. Можно было, наконец, разрешить свидание только на территории части...

Расследуя происшествие, Карватский понял, что вместе с друзьями Иванова обо всем заранее знал и старшина роты. Карватский не очень удивился этому: ему было уже известно, что у старшины имелись «свои люди», которых он покрывал. Вероятно, Иванов считался «своим». Теперь отношение Карватского к старшине вполне определилось. Он чувствовал,

что за внешним повиновением старшины ему, как командиру роты, кроется глубокое недовольство: старшине приходилось менять свои привычные методы работы — окрики, брань, грубость. Подлинной командирской требовательности у него не было и в помине. А тут еще открылась его нечестность.

— Не помогут ни собрания наши, ни беседы, пока в роте есть начальники, которым нельзя доверять, — сказал Карватский Ведяйкину, когда у них зашел разговор о результатах расследования.

— Старшина этот — плохое прошлое роты, — согласился замполтех.

По ходатайству Карватского перед командиром полка старшина был снят, а вместо него Карватский назначил рядового Лозовика, которому вскоре присвоили звание сержанта, а затем и старшины.

Коммунист Лозовик, заряжающий танкового экипажа, до службы в армии работал учителем, имел высшее образование. Карватский заметил его давно. Поглядывая на Лозовика, он не раз думал: «Вот такой старшина нужен нам в роте — честный, старательный, дельный».

И не ошибся: Лозовик стал настоящим старшиной. Можно было не проверять его — не ляжет спать, пока не выполнит всех указаний. После увольнения в запас Лозовик снова стал работать в школе и вскоре был назначен директором школы. До сих пор он переписывается с Карватским.

Лозовик отнесся к обязанностям старшины по-хозяйски. Он задался целью — добиться в роте образцового внутреннего порядка. Увидев, что этот человек не нуждается в постоянной опеке, Карватский почти полностью переключился на боевую и политическую подготовку, чаще стал бывать на занятиях, в парке боевых машин. Он продолжал внимательно следить за работой нового старшины, но делал это незаметно для него, стараясь дать ему возможность полнее проявить собственную инициативу.

Однажды всех командиров рот вызвали к командиру батальона.

— Идемте, — сказал комбат, когда они собрались.

Неожиданно командир батальона привел их в роту Карватского и приказал:

— Взять вторую роту за эталон. Чтобы у всех так было в казарме.

Первый раз похвалили вторую танковую при новом командире. И эта первая заслуженная танкистами похвала не только радостно их удивила, была для них не просто приятным словом, а новой дорогой в службе.

Настроение в роте поднялось. Все чаще стала слышаться меткая солдатская шутка, а по вечерам играл баян. И хотя похвалили вторую роту за внутренний порядок, но и в парке, где танкисты обслуживали боевую технику, работа пошла веселее, энергичнее.

Во время работы в парке Карватский вместе с Ведяйкиным находились постоянно у боевых машин. Карватский старался узнать особенности каждого танка. Как и прежде, он сам копался в различных агрегатах, помогал механикам находить неисправности, советовал и показывал, как лучше их устранить. И знания, и опыт у него были неплохие. Да и во второй танковой роте имелись настоящие знатоки своего дела. Одним из них был старший сержант сверхсрочной службы Владимир Иванович Булыгин, командир танка. Совместная служба и дружба Карватского и Булыгина продолжалась вплоть до осени 1959 года, когда Карватского назначили командовать танковым батальоном. Булыгин, в недалеком прошлом механик-водитель, знал боевую машину крепко.

Однако Карватский, когда проверял состояние боевой техники, скидки на авторитеты не делал — проверял строго, тщательно.

Как-то Карватский сказал Булыгину:

— Сегодня хочу посмотреть вашу машину, товарищ старший сержант.

— Как прикажете, товарищ старший лейтенант, — ответил Булыгин и добавил полушутя: — Только зря потратите время. Ничего не найдете, могу поспорить.

Карватский начал осмотр и нашел неисправность в вентиляторе.

Булыгин поначалу стал упираться.

— Ну, что уж тут... Все в порядке...

Карватский молчал, и Булыгину сделалось неудобно: машину он знал хорошо, а от фактов никуда не денешься.

— Ваша правда, товарищ старший лейтенант. Будет устранено. — И Булыгин принялся за работу.

Во время проверки машины Булыгина вокруг стояли другие механики-водители и командиры танков. Некоторые из них так и не поняли, какую неисправность нашел командир роты.

— В чем же все-таки у него дело? — спросили танкисты Карватского.

Карватский объяснил, что продольная качка валика привода вентилятора оказалась больше допустимой. Было видно, что танкисты заинтересовались.

— А что от этой качки произойти может? — спросил один из механиков-водителей, и в тоне, каким был задан вопрос, чувствовались настороженность и одновременно беззаботная надежда — авось ничего страшного не случится.

Карватский ждал этого вопроса.

— Что произойти может? Поломка привода — вот что... И остановится ваша боевая машина где-нибудь на учениях или в бою...

Наступила тишина.

— Да, братцы, в нем много чего знать требуется, — сказал тихо кто-то, подразумевая под «ним» танк.

Опять помолчали.

— Надо бы нам в роте технический кружок организовать, — подумал вслух Карватский, — не век же вам с третьим классом ходить. Пора и в тонкости вникать...

Его горячо поддержали.

— А быть руководителем, пожалуй, можно попросить Булыгина...

Танкисты засмеялись:

— Он танк знает...

— И неисправности устранять умеет...

— Да и отыскивать их научился...

Здесь, в парке, перед механиками-водителями вдруг открылась трудная, но увлекательная дорога повышения технических знаний, повышения классности вождения боевых машин.

Организацией технического кружка занялся старший лейтенант Ведяйкин, а первым его помощником стал старший сержант Булыгин. Так механики-водители взялись за серьезное изучение своей специальности, чтобы добиться новых успехов. В роте установился порядок — в парковые дни танкисты не только обслуживали боевые машины, но одновременно углубляли знания материальной части танка.

От механиков-водителей решили не отставать и другие члены экипажей — наводчики и заряжающие. Карватский по себе знал, сколько труда надо затратить, чтобы научиться отлично действовать при танковом вооружении. И командир роты занялся организацией танко-стрелковых тренировок в огневом городке. С интересом и упорством наводчики и заряжающие стали соревноваться по вычерчиванию спирали-конверта, по разборке и сборке на скорость пулеметов и механизмов пушки.

Боевая учеба в роте проходила теперь с напряжением и задором — сказывалась добросовестная, продуманная подготовка командиров к занятиям. Появились первые отличники. За ними стали тянуться другие танкисты.

И командир роты Карватский, и замполтех Ведяйкин, возглавивший ротную партийную группу, и механик-водитель Литвинов, избранный недавно секретарем комсомольского бюро, почувствовали: коллективом овладевает желание сделать роту передовым подразделением.

Уставной внутренний порядок, который утвердился в роте, интересно проводимые занятия по боевой и политической подготовке в точном соответствии с расписанием, заботливое отношение к боевой технике, укрепившееся у танкистов, — все это было хорошей основой для выполнения поставленной задачи. Но нужно было постоянно поддерживать загоревшийся в сердцах людей огонь — только тогда рота действительно могла стать передовой. Эту задачу взяли на себя комсомольцы.

Они стали пропагандировать передовой опыт лучших танкистов. И хотя передовиков учебы в роте было еще немного, курс был взят на них.

В то время ленинские комнаты подразделений часто оформлялись с помощью плакатов, фотонаборов, вырезок из журналов. Но комсомольцы второй танковой роты задумали показать в ленкомнате жизнь и боевую учебу самой роты. Можно было, например, купить в магазине военторга отличные комплекты плакатов «Строевая подготовка». А они решили по-своему: на стенде появились снимки строевых занятий взводов, всей роты, фотографии лучших строевиков. На стенде караульной и гарнизонной службы фотографии отличных часовых и выдержки из устава. Боевая подготовка — опять лучшие люди роты, сфотографированные во время занятий.

Пропагандируя опыт передовиков, комсомольская организация увлекала весь коллектив, и зародившееся у танкистов желание превратилось в ясную цель, к которой они стали упорно идти.

В это время танковый полк, в котором служил Карватский, по тревоге был выведен на тактические учения. Вторая танковая рота вышла в полном составе без задержки, быстро и четко. Как обычно на учениях, природа помогала «противнику» — осенняя распутица, дождь, бездорожье усложняли действия танкистов. Марш совершали и днем и ночью. По несколько раз в сутки приходилось оборудовать рубежи развертывания, причем танковые окопы отрывали вручную.

Вот здесь-то, на незнакомой местности, в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке, и проверялись подлинная выучка танкистов, их умение ориентироваться, водить машины по бездорожью, выносливость и дисциплинированность. Вторая танковая рота успешно выдержала этот трудный экзамен — вся материальная часть работала безотказно, а личный состав не получил ни одного замечания. После учений командир полка объявил всем танкистам второй роты благодарность за умелые действия и высокую воинскую дисциплину.

Вот теперь в роте произошел, наконец, подлинный перелом.

4. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Вторая танковая рота уже целый год была в полку передовой, когда началось социалистическое соревнование.

Собственно, в той или иной форме командиры всегда организовывали социалистическое соревнование экипажей, взводов, так как обойтись без этого невозможно, если хочешь добиться хороших показателей в боевой учебе.

Соревнуясь и помогая друг другу, в роте старшего лейтенанта Карватского три механика-водителя стали мастерами вождения, а семь человек — мастерами огня.

Было решено провести общее собрание роты, на котором весь личный состав должен был обсудить свои возможности и принять социалистические обязательства.

Вместе с групппарторгом Иваном Тимофеевичем Ведяйкиным и секретарем комсомольского бюро Михаилом Литвиновым Карватский подробно обсуждал предстоящее ротное собрание. Все трое больше всего боялись одного — чтобы живое, интересное дело, каким является социалистическое соревнование, не превратилось в формальное мероприятие, мероприятие для очередной «галочки».

— За что бороться будем в этом году? — негромко спросил Карватский.

— За отличную роту, — сразу ответил Литвинов, — комсомольское бюро так считает...

— За повышение классности среди механиков-водителей и командиров, за углубленное изучение боевой машины и отличное ее содержание, — сказал Ведяйкин.

— И еще одно. Следует сейчас уже подумать о подготовке замены для командиров танков: осенью предстоит очередное увольнение в запас и большинство их демобилизуется. Надо, пожалуй, поддержать почин Литвинова и лучших механиков-водителей готовить на эти должности, — сказал Карватский.

Карватский давно убедился — лишь технически грамотный командир танка может по-настоящему руководить экипажем; он никогда не будет вынужден идти на поводу у механика-водителя.

— Верно, — согласился Ведяйкин, — для нас это очень важный вопрос. Вот если бы лучшие механики-водители взяли на себя обязательства овладеть обязанностями командира танка! А Литвинов им поможет. Так, товарищ Литвинов?

Несколько месяцев назад механик-водитель первого класса старший сержант Литвинов стал командиром танка. Он в совершенстве овладел обязанностями каждого члена экипажа: отлично водил танк, отлично стрелял из пушки и пулемета, работал на радиации и умело командовал экипажем.

— Что ж, — сказал Литвинов замполтеху, — я поговорю с механиками-водителями и помогу им.

Социалистические обязательства брали танкисты на общем собрании всей роты. Обсуждали пути, которыми надо идти, чтобы завоевать звание отличного подразделения. Это было серьезное и горячее обсуждение. Вначале каждый член экипажа говорил о себе. Потом командир танка брал обязательства за весь экипаж. Командиры взводов подводили итоги своих взводов. Если кто-либо из солдат или сержантов брал пониженные обязательства, чтобы не слишком много трудиться, тут же на собрании товарищи говорили ему об этом прямо в глаза.

Кое-кто под общее настроение, не рассчитав своих сил, хотел взять непосильные обязательства, и таких поправляли: важно не столько взять

обязательства, сколько их выполнить.

В заключение выступил командир роты. Он суммировал обязательства взводов и показал, что же получается в итоге, как рота будет бороться за звание отличной.

Комсомольское бюро вместе с офицерами роты разработало систему учета хода социалистического соревнования. На большом листе в ленинской комнате отмечалась ежемесячно успеваемость по боевой и политической подготовке. Против каждой фамилии по каждому предмету стояло несколько цифр — цифра социалистического обязательства и фактическая оценка за каждый месяц, и каждый танкист видел свои успехи и неудачи, а также мог заглянуть с пристрастием в графу товарища. Вели учет группкомсорги на основании сведений от командиров взводов.

В этом году серьезно занялся своей личной подготовкой и сам командир роты — из памяти у него не выходил тревожный «звонок», который касался его самого. Осенью, на проверке, механик-водитель Габидулин, волнуясь, допустил просчет и не смог преодолеть на танкодроме сложное препятствие — ограниченный проход с двумя поворотами. Карватский пристально следил за его действиями, и, когда Габидулин спасовал на этом трудном препятствии, у него вырвалось:

— Эх, нехорошо, не смог, Габидулин...

И вдруг Карватский задал самому себе вопрос: «А сам бы ты смог?» Вопрос был прямой и требовал такого же прямого ответа. «Нет, я не уверен в том, что смог бы личным примером показать сейчас же, как надо преодолеть это препятствие», — честно признался себе Виталий. Ему было обидно, даже стыдно в этот момент. Стыдно потому, что он изменил одному из своих основных правил — быть всегда для подчиненных примером.

На общей оценке второй танковой роты неудача механика-водителя Габидулина не отразилась — отличные оценки других экипажей завоевали роте первое место в полку.

Отразилась эта неудача на командире роты. Очевидно, на какой-то момент, захваченный жизнью роты, массой срочных и важных дел, Карватский ослабил свою личную подготовку. Он имел права механика-водителя первого класса, — это тоже немало, если учесть, что в роту он пришел всего лишь с правами третьего класса. Но теперь ему требовалось быть мастером, виртуозом вождения танка. Иначе Виталий не мог.

В течение всего учебного года старательно трудилась вторая рота. На

занятиях объявлялись чемпионы роты — по стрельбе из качающейся установки, по скорости разборки и сборки пулемета, затвора орудия и по другим упражнениям. Все свои навыки и приемы они старались передать товарищам. Упорно совершенствовали свое мастерство механики-водители. Вместе с ними почти постоянно занимались все офицеры роты и командиры танков.

Когда танкисты второй роты отчитывались в конце года за свои обязательства, стыдиться им не пришлось. Лучшие командиры танков, такие, как Литвинов, Булыгин, стали мастерами вождения. Стал мастером вождения и старший лейтенант Карватский. Всего в роте было уже к этому времени шесть мастеров вождения.

На боевых зачетных стрельбах командир дивизии был так доволен результатами второй роты, что тут же на полигоне распорядился наградить весь личный состав подарками. С тех пор каждый раз, когда стреляла вторая танковая рота, адъютант командира дивизии от нее не отходил. И оказывался прав — всякий раз приходилось награждать танкистов роты за отличную стрельбу. Так что он выбирал для себя правильную позицию.

По итогам социалистического соревнования вторая танковая рота приказом по полку была объявлена отличной.

Известно, что захватить какой-то важный рубеж — это еще только половина трудного дела. Важно удержаться на этом рубеже и двинуться дальше. Тогда станет ясно, что рубеж взят по-настоящему, накрепко, а не случайно, наскоком...

Три года подряд рота капитана Карватского завоевывала звание отличной. Вот почему Виталий Карватский имеет право сказать, что не считает успех роты случайностью.

Партийная группа второй танковой роты состояла теперь уже из четырнадцати человек, причем большинство из них, в том числе и сам Карватский, вступили в партию во время службы в роте.

Комсомольскую организацию возглавлял после ушедшего в запас Михаила Литвинова командир танка старший сержант Кулаков. На его примере хорошо видно, каких людей воспитывала рота.

Алексей Кулаков считался ветераном второй роты. Он пришел в нее молодым солдатом, учебного подразделения не оканчивал, был всего-навсего заряжающим. А за три года стал коммунистом, командиром танка, старшим сержантом, мастером огня, механиком-водителем третьего класса.

Старательный, прямой, открытый, Кулаков переживал любую неудачу товарища, как свою собственную, всегда честно говорил в глаза свое мнение, был настоящей комсомольской совестью роты. Товарищи гордились своим комсомольским вожаком, и сам Алексей Кулаков на всю жизнь запомнил свою вторую танковую роту, которая его воспитала, вырастила, показала, как надо жить, трудиться...

На каждый новый учебный год коммунисты и комсомольцы роты намечали новые рубежи в боевом совершенствовании. И вот было принято решение — всем офицерам стать мастерами вождения, а командирам танков и механикам-водителям повысить классность. Все экипажи должны стать полностью взаимозаменяемыми.

Эти новые, очень высокие и ответственные обязательства, как обычно, горячо и подробно обсуждались на ротном собрании. Как раз в этот период в роту прибыло очередное пополнение, и молодые солдаты сразу же включились в интересную и напряженную жизнь передового подразделения — их захватили традиции роты, установившийся в подразделении уклад воинской службы.

Началась борьба за выполнение взятых обязательств. Боевая учеба давалась нелегко. Были и отстающие танкисты. Молодой механик-водитель младший сержант Михайлов имел права второго класса, но не всегда уверенно преодолевал препятствия, плохо ориентировался в момент их преодоления. Он не стал еще полным хозяином в боевой машине. И командир роты сам помогал механику-водителю улучшать навыки вождения танка.

Карватский постоянно следил за успехами танкистов. Хорошо шли дела во взводе старшего лейтенанта Качесова. Командир роты настоятельно порекомендовал другим офицерам побывать на занятиях у Качесова, приглядеться к его методам обучения, к организации соревнования внутри взвода.

Опыт лучших танкистов сразу же становился достоянием всей роты. Ефрейтор Юрий Острецов, например, показал себя мастером стрельбы из качающейся установки; ефрейтор Владимир Кучеренко быстрее всех собирал танковый пулемет; старший сержант Аркадий Пронягин добился лучших результатов в сборке и разборке затвора пушки — и всеми своими секретами они тотчас делились с товарищами.

Впереди, агитируя за выполнение социалистических обязательств прежде всего личным примером, шли коммунисты и комсомольцы.

Чуть кто-либо из танкистов добивался успеха — комсомольцы сразу же

предлагали: научи всех.

За этот год во второй танковой роте все офицеры и сверхсрочники стали мастерами вождения. Все экипажи добились взаимозаменяемости, девять человек стали мастерами танкового огня. Социалистические обязательства оказались перевыполненными.

...Осенняя проверка второй танковой роты началась с боевой стрельбы. Первым на выполнение упражнений по стрельбе пошел командирский танк Карватского. Капитан Карватский знал, что за его танком с волнением следит вся рота. Конечно, танкисты имели твердые навыки, но в таких случаях нельзя забывать и о настроении.

Карватский волновался только до той минуты, когда его танк, качнувшись, двинулся вперед. Больше он ничего не чувствовал — кроме рукояток механизмов орудия, и ничего не видел — кроме появляющихся целей... Боевая машина, набирая скорость, мчалась по полигону.

Вдруг показалась первая цель — противотанковое орудие. Карватский «поймал» орудие в прицел и быстро, сноровисто, доведенными до автоматизма движениями работал подъемным и поворотным механизмами, стараясь удержать орудие «противника» в поле зрения прицела.

Моментально определив расстояние, уточнив наводку, Карватский произвел первый выстрел.

Прямое попадание!

Танк мчится дальше. Появились поясные фигурки пехоты «противника», и тотчас же раздалась пулеметная очередь.

Карватский замечает движущийся бронетранспортер. Вот бронетранспортер уже в поле зрения прицела.

— Короткая! — командует капитан.

Танк замирает на считанные секунды. Но и этих секунд оказывается достаточно. Карватский успевает уточнить наводку, и новая очередь из пулемета поражает последнюю цель...

Возвращаясь к исходному рубежу, Карватский вдруг заметил адъютанта командира дивизии, который, как всякий настоящий адъютант, обладал даром предвидения и не отходил от второй роты. Потом Карватский увидел радостные лица танкистов.

Пошли другие машины роты, и стреляющие также успешно выполнили упражнения по боевой стрельбе. Адъютант оказался прав — больше всего танкистов было награждено в роте Карватского.

На следующий день начались испытания по вождению. Уже было известно, что комиссия приехала очень строгая и проверяет придирчиво, без малейших скидок. Особенно трудно, рассказывали, приходится мастерам вождения — далеко не все подтверждают свою высшую квалификацию.

Пришлось поволноваться и танкистам второй роты, но тем большей была их радость, когда все мастера вождения роты подтвердили свое право быть мастерами.

Так в четвертый раз подряд рота капитана Карватского завоевала звание отличной. Это был заслуженный успех.

После проверки капитана Карватского пригласил к себе командующий. Карватский не знал, зачем его вызвали. Он мог, конечно, предположить, что похвалят за успехи, так как грехов за ним вроде бы не водилось. Но все-таки был озабочен, когда ехал в штаб.

Адъютант командующего доложил о капитане Карватском, потом, немного погодя, пригласил войти. Генерал вышел из-за стола, поздоровался, усадил Карватского в кресло. И вдруг произнес:

— Товарищ Карватский, говорили мы о вас на Военном совете и решили предложить вам должность командира батальона. Военный совет уверен, что вы справитесь...

Спустя четыре месяца генерал вручил капитану Карватскому орден Красной Звезды, которым по представлению части Карватского наградили «за отличные показатели в боевой и политической подготовке и отличное освоение новой сложной боевой техники», как было записано в Указе Президиума Верховного Совета СССР.

— Докладывают мне, что с новыми обязанностями вы справляетесь, — сказал генерал. — Постарайтесь, чтобы в вашем батальоне все роты были такими, как ваша прежняя — вторая танковая. Скучаете по ней?

— Скучал бы сильно, да некогда, товарищ генерал, — ответил Карватский.

Карватский снова был в другом полку. Ему хотелось, чтобы внутренний порядок в батальоне был образцовым, чтобы все офицеры и механики-водители стали мастерами вождения, чтобы все роты стреляли отлично. Он

не только хотел, но и упорно добивался этого. К тому же Виталий Карватский готовился к поступлению в академию...

5. ОБЛИК КОМАНДИРА

Нетрудно понять путь молодого командира — ведь и большие успехи имеют в конечном счете свое простое понятное объяснение.

Трудолюбие, честность, требовательность к себе и к подчиненным, решительность — эти качества, необходимые советскому командиру, известны и не составляют секрета для молодых офицеров. Если и есть какой-то «секрет» у Карватского, так это то, как он сумел воспитать, развить в себе эти качества и со всей энергией молодости направить на любимое дело.

Обращает на себя внимание очень серьезное, вдумчивое отношение Карватского к жизни, к своей профессии офицера, своим обязанностям и возможностям, которые у нас предоставлены молодым офицерам. А ведь случается нередко и так, что молодой офицер, уверенный в том, что все у него впереди, незаметно теряет сначала время, а потом и возможности.

Виталий Карватский строг к себе, старается всегда серьезно подумать о своем пути. С пятнадцати лет он — комсомолец. А в 1956 году, после полутора лет командования второй танковой ротой, его приняли в члены КПСС. Будучи офицером, Карватский упорно занимался своим политическим образованием — он окончил двухгодичный вечерний университет марксизма-ленинизма. И то, что у него в эти напряженные и по-настоящему счастливые годы уже была крепкая дружная семья, — тоже помогало ему в службе.

Как человек, до тонкостей изучивший свое дело, Карватский говорит о своем опыте сжато, высказывает давно продуманные и проверенные за время службы мысли.

— Командир должен в совершенстве знать боевую технику. Только тогда он может командовать и будет иметь успех. Я имею в виду в первую очередь танкистов.

— Командир должен быть на голову выше своих подчиненных не только по власти, по должности, но и в знаниях, в умении.

— Командир и его подчиненные — это единое целое. Если хоть немного оторвешься от людей, не будешь с ними вместе, не поймешь душу солдата, — тебя потом не поймут трижды...

Не важно, что эти правила известны давно. Важно другое: Карватский сам — своим умом, сердцем — почувствовал их правильность, и ему не надо искать их в конспектах. Эти мысли стали его собственными, его убеждением.

И еще. Настоящий командир неотделим от солдата. Из аттестации в аттестацию, которыми характеризуют Карватского в течение десяти лет его начальники, неизменно переходят слова: «Заботится о нуждах подчиненных».

— Да, я строго, жестко спрашивал с нарушителей воинской дисциплины, с тех, кто халатно относился к боевой технике, своему воинскому долгу, — говорит Виталий Карватский. — Но я все делал для солдата, если нужно было позаботиться о нем, о его семье, помочь ему. Командир никогда не должен жалеть на это времени. Всегда, как бы занят ты ни был, надо выслушать солдата, помочь ему. Это очень важно для командира.

— Командир должен не только требовать, но и глубоко вникать в судьбу солдата, быть отзывчивым, — продолжает Карватский. — Панибратство — вредное дело. Нельзя выпивать с солдатом. А вот закурить с ним, посидеть просто и поговорить, как старший товарищ, друг, — можно и нужно. Надо сочетать требовательность с заботой. Тогда солдаты сделают все, что в их силах. И даже больше.

Уважение к солдату у Карватского видно на каждом шагу. Рассказывая, например, о делах второй танковой роты, называя фамилии подчиненных, он тут же на память добавляет их имена. И это не формальность. Это — сущность.

В конце нашей беседы Карватский задумался.

— Учеба, знаете, — дело нелегкое. Свободного времени у нас, слушателей, почти нет. Надо изучать самые различные предметы, чтобы овладеть современными военными знаниями. А я, командуя танковым батальоном, понял, что знаний мне уже не хватает. Но, откровенно говоря, чуть свободная минута — сразу вспоминаю своих товарищей по службе. Как там у них идут дела? Кто уволился в запас, какое пришло пополнение?.. И вот теперь, перебирая в памяти свою службу в войсках, я яснее, чем прежде, вижу, что это была трудная, напряженная и все-таки очень интересная жизнь. Да ведь и сейчас мы вместе — в одном строю, всякий час готовы встать на защиту интересов Родины. Это наш воинский долг.

...Он не воевал, майор Карватский. Когда началась Великая Отечественная война, ему было всего двенадцать лет. И орден, которым наградил его

народ, заслужен им не на поле брани, а на учебном поле. Но рядом с ним всегда были опытные командиры, которые прошли дорогами Великой Отечественной войны трудный и славный путь. Карватский учился у них, слушал их рассказы, старался быть похожим на них. Он воспитывался на боевых традициях героической Советской Армии, на совесть изучал все новое в военном деле. И можно быть уверенным — майор Карватский с честью выполнит свой долг на поле боя, если кто-либо посягнет на мирный труд советского народа.

Виталий Карватский с законной гордостью вспоминает то время, когда он командовал взводом, ротой, батальоном танков. Он жил щедро, всего себя отдавая любимому делу, и потому добился заслуженного успеха. В этом и заключается настоящее счастье командира.

Выходные данные

Рубен Бернارد Савельевич. Счастье командира: Очерк.
М., Воениздат, 1962. 32 с. (Серия «Герои-современники»). Тираж 30 000.

Электронная версия подготовлена по фотокопии печатного издания для памятного сайта agtees.by